

Чи Мэй проигнорировал пожилую сводню и посмотрел на Тао Шаньцзэ и женщину, прильнувшую к его груди. Его взгляд померк, а осанка излучала глубокую горечь. Лишь спустя долгое время он произмолвил:

— То, как поступает сегодня молодой господин, иначе как похищением невесты и не назовешь. К тому же речь идет о невесте самого господина министра, а ведь нынешний экзамен проходит как раз под его началом. Разве вы после этого сможете даже переступить порог?

Тао Шаньцзэ был занят лишь тем, что утешал женщину, прижимая ее к себе, и направлялся к выходу.

Чи Мэй следовал позади, с лицемерной улыбкой на устах, в то время как красный лотос на его ладони едва заметно теплел.

Лисица выходит на связь

Еще одно произведение в жанре кровавой погони за сбежавшей возлюбленной — Каждый день пушечное мясо-дублер хочет сбежать — тоже обновляется, милые ангелочки, жду вас почитать!

Я сделаю все, как ты скажешь.

Эта женщина по имени Байхэ и впрямь была хрупкой, нежной и податливой — она прижалась к груди Тао Шаньцзэ словно котенок. Особенно бросались в глаза ее ножки, которые покачивались, пока Тао Шаньцзэ нес ее на руках: тонкие, в остроносых туфлях с вышивкой, они напоминали шилья.

Нет на свете мужчины, который не любил бы столь хрупких красавиц. Тао Шаньцзэ и вовсе сроднился с ней с первого взгляда, позволив ей устроиться в своих объятиях так, что у него даже занемели руки, но он все равно не отпускал ее.

Однако Чи Мэй, наблюдавший за этим со стороны, больше не мог на это смотреть. Если подумать, еще вчера ночью, обретя рассудок, он обнаружил, что занимается с Тао Шаньцзэ самыми бесстыдными делами.

Делить одно ложе — кармическая связь в сто лет, спать под одной подушкой — в тысячу. Похоже, при удобном случае ему придется заглянуть в Книгу Жизни и Смерти в Зале Владыки Янь, чтобы проверить, не связывает ли их с Тао Шаньцзэ какое-то неведомое прошлое.

Но больше всего его радовало то, что его собственные способности оказались на высоте: живот Тао Шаньцзэ даже слегка выдавался вперед, и весь он был покрыт знаками любви к нему.

Превозмогая боль... и наслаждение, и одновременно испытывая кайф, он примерно уяснил свое

положение в этом мире.

Этот мир назывался Легенда о Ляньшэне и являлся довольно дикой разновидностью историй о Ляньшэне. Если бы это было просто чтение в древности, оно еще представляло бы определенный интерес, но в современном обществе это был бы сюжет, за который положено проклинать на все лады: две женщины служат одному мужу, не расставаясь с ним, да еще и преследуют мужчину после перерождения.

К великому сожалению, Тао Шаньцзэ, утративший свою истинную волю, теперь был ученым, направляющимся в столицу на императорские экзамены, и все воспоминания о своей жизни в 2020 году начисто стерлись из его памяти. Более того, согласно установленной роли, он стал женой Тао Шаньцзэ — судя по всему, тем самым персонажем Ляньшэна из оригинального сюжета.

А Ляньшэн был демоном-лисицей.

И если он не ошибался, та самая истовая любимица по имени Байхэ, которую Тао Шаньцзэ сейчас так трепетно прижимал к груди, была не кем иной, как той самой женщиной-призраком — госпожой Ли.

Тао Шаньцзэ, этот двуличный негодяй, желал усидеть на двух стульях. Мало того, он намеревался привязать к себе Ляньшэна в обеих его жизнях, хотя в любом случае все эти возлюбленные были далеко не людьми.

Текущую ситуацию Чи Мэй понимал более-менее ясно. В отличие от оригинала, он уже состоял с Тао Шаньцзэ в браке, причем в роли нелюбимой жены-мужчины, что само собой создавало прекрасные условия для того, чтобы Тао Шаньцзэ завел себе наложницу.

В конце концов, судя по внешнему виду, Тао Шаньцзэ походил на розетку с двумя разъемами, и одного лишь прикосновения ему было явно недостаточно для удовлетворения.

К тому же Чи Мэй не мог иметь детей, а в древние времена это считалось одним из семи оснований для изгнания жены. Даже если бы Тао Шаньцзэ не претендовал на императорский трон, ему все равно требовалось продолжить свой род.

К тому же этот статус жены-мужчины, которую супруг откровенно не жаловал, делал задачу пробудить разум Тао Шаньцзэ и заставить его отыскать книжные страницы поистине невыполнимой. Судя по его собственному положению, дело, пожалуй, действительно могло кончиться изгнанием.

Тем более что... Чи Мэй опустил взгляд на Тао Шаньцзэ, лицо которого выражало смесь головокружения и экстаза — то ли от предельного удовольствия, то ли от невыносимой боли. Сейчас он на полную катушку отыгрывал роль невинного и чистого нулюющего парня, жаждущего начать новую жизнь.

Он никогда прежде не испытывал ничего подобного и уж тем более не помышлял о какой-либо связи с ним, но раз уж история сама толкнула их друг к другу, против этого не попрешь. Их тела совпали точно магнитные полюса Земли, притянув их прямо к постели, где стрела уже была наложена на тетиву и не выстрелить было невозможно.

Проведя в воздержании несколько тысячелетий, будучи божественным зверем с шипами в интимных местах, он, естественно, не мог отказаться и мог лишь ублажать Тао Шаньцзэ, попутно размышляя над тем, как пробудить его, не нарушая законов этого мира.

Потому что с помощью одних лишь собственных сил он не смог бы даже прикоснуться к книжным страницам, будь они у него в руках. К тому же эти страницы то появлялись, то исчезали, словно туман, дождь или ветер: не успеешь заметить в один миг, как в следующий их уже нет, и позвать кого-то на помощь он был просто не в силах.

— Чи Мэй, о чем ты там застыл? Разве не видишь, что Байхэ проголодалась и ей нужно поесть?

Подняв голову, Чи Мэй встретился взглядом с обеспокоенным Тао Шаньцзэ и в ту же секунду растерялся, не зная, стоит ли открывать ему правду: что Байхэ — женщина-призрак, которая только и делает, что высасывает его жизненную силу, в отличие от самого Чи Мэя, который эту силу ему щедро переливает.

— Супруг мой, разве у нас нет слуги? — невинным голосом осведомился Чи Мэй.

— Хм, — холодно фыркнул Тао Шаньцзэ. — Разве не ты утверждал, что нельзя наверняка знать, кем является этот слуга? И вообще, раз я говорю, ты должен слушать и не смей возражать.

В душе Чи Мэй мысленно поставил огромный палец вверх: быть объектом такого деспотичного обращения в стиле альфа-самца оказалось даже по-своему приятно.

— Хорошо, супруг мой. — Чи Мэй бросил косой взгляд на Байхэ и заметил, как из-под ее воротника соблазнительно выглядывает округлый затылок и шея. Кожа там действительно казалась безупречной, такой, что даже у него, мужчины-жены, это вызывало трепет.

Но что поделать? Если бы он позволил себе лишнее с Байхэ, этот мир тотчас пошел бы прахом. Он ни капли не сомневался, что обитающие в мире Ляочжая ёхай объединились бы, чтобы задать ему трепку, а затем сослали бы в девятнадцатый слой ада.

Даже будучи божественным зверем, он был обязан соответствовать ценностям социализма.

Он заказал в постоялом дворе множество яств: суп из лотоса с цветками османтуса и кукурузой, фрикадельки «сыси», тушеную свиную рульку, тушеного османа и прочие сытные деликатесы, призванные восполнить жизненные силы. Втянув носом аромат, он ощутил, как у него заурчало в животе, и стал ждать, пока Тао Шаньцзэ поест вместе с ним.

Однако Тао Шаньцзэ лишь бросил на еду мимолетный взгляд и холодно произнес:

— Байхэ — хрупкая женщина, она только что оправилась от тяжелой болезни. Ты что, предлагаешь ей кормиться такой тяжелой пищей? Переделай всё!

Чи Мэй несказанно обрадовался — он только и ждал этих слов, чтобы уйти в комнату слуги и как следует уплести всё самому.

Но не успел он даже развернуться, как услышал продолжение:

— Ладно, оставь. Подойди и прислуживай за столом.

Прислуживать за столом? Чи Мэй был искренне поражен. Подумать только, он, великий древний божественный зверь Бай Цзэ, перед которым люди всегда трепетали и которого почитали в былые времена, получая даже человеческие жертвоприношения... Пусть сейчас времена изменились и он пал во тьму, он всё еще оставался могущественным ёгуаем! С каких это пор он должен прислуживать кому-то за едой?

— Иду, супруг мой. — Запнувшись на секунду, Чи Мэй с лучезарной улыбкой опустился рядом с Тао Шаньцзэ, плотно прижавшись к нему боком. — Сестрица Байхэ, ты предпочитаешь свиную рульку, которая истощно визжала, когда ее забивали, или хрустящего тушеного османа, которого только что убили и который еще не успел закрыть глаза?

Байхэ не выдержала, прикрыла рот рукой и бросилась к постели с позывами к рвоте.

— Супруг мой, так дело не пойдет. Она ведь носит под сердцем чужого ребенка, любовь — это ослепительный свет... — Чи Мэй жалостливо захлопал ресницами.

Он обнаружил, что этот растерянный и ничего не ведающий Тао Шаньцзэ куда забавнее, чем в обычные дни.

Чи Мэй: Что делать, если я все равно хочу его съесть?

Всеми силами

В этом мире Чи Мэй чувствовал себя так, будто играл с золотым пальцем в кармане: он знал подоплеку происходящего и умел вовремя распознавать всяких зеленых чаек и белых лотосов. Однако установленная для него роль не позволяла ему напрямую указать Тао Шаньцзэ, кто именно пытается ему навредить, и в то же время обязывала предаваться с ним утехам, не нарушая законов мироздания.

На самом деле... это было даже здорово.

Ведь Тао Шаньцзэ был лучшим по телосложению мужчиной среди всех тех, кого Чи Мэй затаскивал в мир Ляочжая за последние несколько тысяч лет. Все они, млекопитающие, питали естественную слабость к представителям своего пола. Раньше, видя в зоопарке двух самцов львов, которые взбирались друг на друга, он находил это омерзительным, но стоило примерить всё это на себя, как двойные стандарты тут же брали верх.

Прежде он ненавидел мужчин, которые лапали женщин, так что ему хотелось немедленно прикончить их, предварительно закинувшись мезимом для улучшения пищеварения. Но стоило на протяжении тысячелетий дойти очередь до него самого и начать вытворять подобное с Тао Шаньцзэ, как выяснялось, что для контроля пульса в сто ударов в секунду ему остается лишь горстями глотать нитроглицерин или таблетки с корнем шалфея.

Талия Тао Шаньцзэ, ноги Тао Шаньцзэ, грудь Тао Шаньцзэ и те две розовые вишенки на ней — всё выглядело точь-в-точь как иллюстрации из древних эротических трактатов.

Чи Мэй охватил жар и беспокойство. Он чувствовал, что знает о себе слишком мало: интересно, есть ли у него, как у божественного зверя, свой период течки? А если есть, придется ли ему с кем-то сражаться целых семь дней и ночей, пока он не забеременеет?

Сможет ли Тао Шаньцзэ забеременеть в этом мире? Существует ли способ превратить его в женщину или хотя бы добавить ему орган, аналогичный матке?

Однако главной проблемой на данный момент оставалась эта Байхэ. Она же была искусной штучкой уровня мастеров зеленых чаек, к тому же обладала врожденным преимуществом пола — способностью рожать детей и высасывать чужую жизненную силу.

Судя по оригинальному сюжету, она станет абсолютной победительницей. И хотя после перерождения Ляньшэн всё же сойдется с Сан Цзымином, это будет исключительно результатом его собственных ошибок.

В голове Чи Мэя вихрем пронеслись мысли: как ему завоевать сердце Тао Шаньцзэ?

Вскоре он ухватил суть.

Он ведь демон-лисица, наделенный от природы соблазнительным взглядом, способным свести с ума любого — прирожденный разрушитель семей из древних преданий.

Тем более что он был мужчиной: стоит мужчине проявить кокетство, и женщинам тут же становится нечего делать.

— Чи Мэй, она — моя будущая наложница, так что советую тебе выбрать выражения, — строгим голосом произнес Тао Шаньцзэ. Глядя на покрасневшее лицо Чи Мэя, он так и норовил выставить его за дверь, но при воспоминании о его распутной манере поведения

опасался, что тот, выйдя на улицу, сразу повернет направо к противоположному постоялому двору и устроит там представление в духе облаков и дождя.

Сейчас было нельзя. Формально Чи Мэй все еще оставался его законной женой, и если тот посмеет наставить ему рога на стороне, он непременно применит семейные правила и заставит его горько пожалеть об этом.

— Впредь изъясняйся при Байхэ более изысканно! Какая еще вопящая свинья? А ну-ка, хрюкни нам тут!

Байхэ уже вернулась. Ее личико размером с ладонь казалось мертвенно-бледным, но алые губки манили сочной свежестью. Плавно извиваясь станом подобно водной змее, она приняла изящную позу:

— Благодарю молодого господина за спасение. Только, полагаю, Чи Мэй не хотел ничего дурного, это я оказалась столь никчемной.

Чи Мэй мысленно проанализировал ее позу и заподозрил, что в прошлой жизни, до того как стать призрак, она работала сантехником...

— К чему ты перед ним оправдываешься? Если еда пришлась не по вкусу, пойдем поедим в другом месте. Я знаю, что в Таоцзуйлоу варят густую и ароматную рисовую кашу со страшно аппетитными крабовыми клешнями заморских сортов.

Тао Шаньцзэ принялся строить Чи Мэю глаза. Смысл был прост: все деньги находились при Чи Мэе, а вчера он отдал ему всю наличность на выкуп Байхэ, так что теперь его карманы были абсолютно пусты.

Но Чи Мэй сделал вид, что ничего не понимает, лишь томно смутился и прикрыл рот носовым платком. С его мужественными, резкими чертами лица этот жест делал его похожим на бойца, бросившегося спасать людей из горящего здания.

— Чи Мэй, ступай с нами тоже, — не найдя другого выхода, выдавил Тао Шаньцзэ.

— Я не пойду, супруг мой. Столько еды пропадет, не выбрасывать же ее, так что мне придется скрепя сердце съесть всё самому, — с невинным видом ответил Чи Мэй, втайне ликуя. Он ждал именно этого моментов: та жирная свиная рулька привлекала его внимание уже давно.

Каждый дрожащий кусочек ее шкурки словно складывался в сердечко, призывая его к любви.

Тао Шаньцзэ усмехнулся, подхватил тарелку с тушеной рулькой и прямо швырнул ее Чи Мэю в лицо. Липкая подлива струилась по его ресницам:

— А ну упади на колени!

Конечно, он не рассчитывал, что Чи Мэй действительно послушается — обычно, как бы сильно он ни измывался над ним днем, ночью этот человек всегда брал свое. И раз уж он изо всех сил спешил за ним в столицу на императорские экзамены, то внизу живота у него до сих пор всё было от перенапряжения в пояснице.

Однако Чи Мэй и вправду опустился на колени. Тао Шаньцзэ даже испугался: не демонстрация ли это силы с его стороны?

Но в следующее мгновение Чи Мэй с трагическим выражением лица бережно подобрал рульку с пола:

— Бедная свинья... ты даже не успела исполнить свое предназначение, а тебя уже нельзя есть.

Тао Шаньцзэ чуть не задохнулся от возмущения. Еще недавно тот казался сама покорность, с чего вдруг он превратился в слабоумного?

Маслянистые руки Чи Мэя тут же вцепились в бедра Тао Шаньцзэ — он был намерен применить все свои чары, лишь бы не позволить этой призрачной девке утащить душу Тао Шаньцзэ.

Он, демон-лисица, не имел права проиграть!

Этот мир представлял собой смесь сюжетных линий Легенды о Ляньшэне и Настенной росписи. В сюжете Ляньшэна Сан Цзымин был мужчиной, вкусившим все прелести жизни с несколькими женами, но в итоге эти две женщины почему-то стали лучшими подругами — вот уж поистине удивительное дело.

Примечание: Сун То — главный герой главы Экзамен на городского бога. В нашей истории он держит книжную лавку, но попасть в нее могут лишь те, у кого есть особая кармическая связь.

Ничтожный мужчина

Стоило Тао Шаньцзэ увидеть перепачканные в соусе лапы, как он на секунду замер от омерзения, выразить которое словами было просто невозможно.

На его длинном хамате цвета лунного света отпечатались следы лап Чи Мэй: все десять пальцев, без единого пропуска, аккуратно и четко. В голове у него на мгновение промелькнул образ кошки — судя по всему, в прошлом он уже держал какого-то питомца.

Впрочем, как такое возможно? Единственным существом, которого на данный момент можно

было назвать его питомцем, оставался разве что Чи Мэй.

Единственное достоинство Чи Мэя заключалось в его степенности и послушании: на людях он никогда не позволял себе лишнего, делал ровно столько раз, сколько требовалось, держал себя в рамках приличий и каждый раз умел угодить в самую точку.

Так что же с ним сейчас? Увидев, что Байхэ превосходит его покладистостью и мягкостью, он дал волю ревности, тоже вспылал к ней тайными чувствами и решил помериться силами с собственным потенциальным мужем?

Какая нелепость! Полная потеря самосознания! Нарушение мужской морали!

Он оттолкнул ногой цеплявшиеся за него руки и с предельно суровым видом решил преподать ему урок:

— Чи Мэй, советую тебе уяснить свое место. Я для тебя — само небо! А небо хочет дождя, мать хочет замуж, и я женюсь на Байхэ.

Осознав, что именно он только что произнес, он побелел как полотно. Он всего лишь хотел подчеркнуть, что он для него — небо, а вовсе не то, что он не хочет дождя или сам собирается замуж! Жениться — это глагол действия, выражающий его собственную волю.

— Супруг мой, с такими речами вы точно провалите экзамены, — с глубокой скорбью в голосе произнес Чи Мэй. — Может, лучше сначала покажемся врачу? Это куда важнее, чем пить кашу с крабовыми клешнями в Таоцзуйлоу.

Пока они препирались, молчавшая до этого в стороне Байхэ легко кашлянула. Тысячелетний призрак воистину отличался от обычных людей — даже ее кашель звучал так, будто с ветки осыпались лепестки роз.

— Молодой господин, я всего лишь перекасти-поле. Я вовсе не желаю вызывать гнев молодого господина и его супруги. Я согласна быть скромной служанкой и до конца дней служить вам обоим.

Ее лицо с кожей цвета свежего белого нефрита застыло со сжатыми губами, а из глаз неожиданно брызнули две слезинки, которые тут же градом покатались по ее прекрасным щекам.

Хрупкая лебединая шейка обнажилась подобно стеблю лотоса, казалось, ее можно было сломать от малейшего неосторожного движения.

Сердце Тао Шаньцзэ растаяло. Он наконец-то начал понимать, почему король Юй-ван был готов ради улыбки Бао Сы поджигать сигнальные огни на башнях и поднимать войска: лишь бы

его красавица улыбалась, он был готов на всё. Он крепко прижал к себе хрупкое тело Байхэ, а та слегка дрожала, пока он без усталости ее успокаивал:

— Байхэ, отныне ты моя жена, и я буду уважать, любить и защищать тебя всю свою жизнь.

— Нет, я никогда не претендовала на место госпожи. Мне достаточно находиться рядом с молодым господином — даже если мне придется каждый день питаться лишь лебедой, я стерплю это с радостью. — Заливаясь слезами и всхлипывая, Байхэ уткнулась лицом в сгиб локтя Тао Шаньцзэ.

Ах! Чи Мэй был готов взвыть к небесам и разорвать этого негодяя своими острыми когтями, полоса на полоску раздирая его плоть. Как он мог не разглядеть истинную природу этого мужчины, пока тот был в трезвом уме? Разве можно было мыслить нижней частью тела еще более очевидным образом?

Он отчаянно пытался найти в памяти подарки, уготованные ему этим миром: раз уж он демон-лисица и желает взять реванш, то для завоевания доверия Тао Шаньцзэ он просто обязан владеть искусством обольщения или хотя бы секретным приемом похищения душ. Но в итоге мало того, что его способности были ограничены, а способность превращаться в божественного зверя заблокирована, так ему еще и запрещалось причинять Тао Шаньцзэ вред!

Исключение составляло лишь одно место — постель.

На душе у Чи Мэя бушевало пламя Ада Десяти Холодов, но внешне он сохранял вид утонченной неженки, готовой прямо сейчас облачиться в женское платье и сойтись с Байхэ в битве. Раз уж Тао Шаньцзэ шел по головам, то и ему не оставалось ничего другого, как отбросить стыд!

— Супруг мой, но ведь я ваша законная жена! Смею надеяться, что я, мужчина, покорявшийся вам на ложе, заслужил если не награду, то хотя бы благодарность за свой тяжкий труд.

Услышав слово «покорявшийся», Тао Шаньцзэ почувствовал, как у него тяжело заныло между бровей, опасаясь, как бы тот не ляпнул еще чего-нибудь крамольного. И все же от этих слов его мужское самолюбие получило мощнейшую подпитку. Ладно, на сегодня он его прощает, а вопрос о разводе пока можно отложить.

В конце концов, лишь дети выбирают что-то одно.

Он хочет всё: и законную жену-мужчину, и наложницу!

Слегка кашлянув, Тао Шаньцзэ произнес:

— Байхэ, отныне зови его Чи Мэй. Тебе не подходит звать его старшим братом, я не хочу, чтобы

ты чувствовала себя ниже кого-либо. Истинной же причиной было то, что слышать, как нежный женский голосок зовет его мужа-мужчину «старшим братом», казалось ему крайне странным.

Потому что еще вчера ночью он сам звал его именно так в постель! Другим запрещалось называть его тем именем, которым пользовался он сам!

Чи Мэй: Кто тут не умеет строить глазки и капризничать?

Омерзение

Таоцзуйлоу уже ломился от посетителей. Ароматы вина и изысканных блюд переплетались в воздухе, сопливые слуги сновали между столами с дымящимися подносами, зазывая троих гостей на второй этаж зычными криками:

— Добро пожаловать, уважаемые гости!

Поддерживая хрупкую Байхэ, Тао Шаньцзэ бережно предостерегал ее смотреть под ноги на ступеньках, боясь, как бы она не споткнулась и не ушиблась. Он то и дело бросал на нее взгляды, все сильнее убеждаясь, что девушки куда милее юношей — не говоря уж о том, насколько они мягче и нежнее, в них чувствовался тот самый призывной шарм, которому Чи Мэй был не способен научиться.

И это лишь сильнее подпитывало его пренебрежение к собственной жене.

Байхэ села рядом с Тао Шаньцзэ, в то время как Чи Мэй устроился на другом конце стола в полном одиночестве. Глядя на то, как Байхэ буквально прилипла к спутнику, он посчитал необходимым напомнить Тао Шаньцзэ о текущем положении дел:

— Супруг мой, что вы намерены сказать господину министру?

Тао Шаньцзэ злобно зыркнул на него, а затем вновь перевел на Байхэ нежный взгляд:

— Байхэ, хочешь отведать чего-нибудь еще?

Чи Мэй промолчал... Разве дело только в жеманстве? Он и сам так умел.

Тогда он прижал руку к груди и изобразил на лице страдание:

— Супруг мой, у меня вдруг так сильно заболело в груди...

Тао Шаньцзэ налил чашку чаю, поднес к губам Байхэ и осторожно подул:

— Болит — ступай к врачу сам, а кошелек оставь здесь.

Чи Мэй промолчал... Твою мать, у меня тут родилась идея для новой ночной позы, после которой ты точно закричаешь «папа».

Наконец принесли кашу с крабовыми клешнями. Впрочем, Тао Шаньцзэ, судя по всему, славился заведением, где задирали нос перед клиентами: пользуясь громкой славой, они ничего не боялись, и гостям подали лишь одну маленькую пиалу. Слуга молниеносно поставил ее прямо перед Байхэ:

— Кушайте на здоровье, уважаемые гости.

— Молодой господин, пожалуй, я не стану ее пить, — тихо проговорила Байхэ, поджав губы. — Я полностью полагаюсь на вас, а теперь из-за меня расстроился старший брат Чи Мэй.

Ее губы дрогнули, а в глазах заблестели слезы.

Тао Шаньцзэ тут же проникся жалостью:

— Да что ты на него смотришь? Отныне в твоих глазах должен быть только я, смотреть позволено только на меня, а на остальных можешь не обращать внимания.

Чи Мэй промолчал... Новая поза с обращением «папа» уже не помогала, настало время пустить в ход возбуждающие средства.

Однако он не мог позволить себе выдать свои чувства. Он был древним божественным зверем, а перед ним сидела всего лишь женщина-призрак — а в искусстве обмана демоны всегда на шаг впереди.

— Супруг мой, а что, если слуга снова станет стучать в дверь этой ночью? — подал голос Чи Мэй.

На этот раз Тао Шаньцзэ посмотрел на него с серьезным выражением лица:

— Что ты имеешь в виду?

— Я к тому, если вдруг такое повторится, — развел руками Чи Мэй.

— Никаких «если». Если снова постучит, сегодня открывать дверь пойдешь ты, — невозмутимо

ответил Тао Шаньцзэ.

На самом деле в глубине души он уже давно испытывал панический страх: незадолго до этого ему привиделось, будто он обнимает скелет, который в следующее мгновение снова превратился в прекрасную Байхэ.

<http://bllate.org/book/22407/2352262>